

*Иосифу, Розе, Марине и Наташе —
моим проводникам по «настоящей» России*

Благодарности

Одной из главных радостей этого проекта стала его междисциплинарная природа: я не задумала бы его — и уж тем более не осуществила — без великодушия и поддержки коллег, друзей и членов моей семьи. На кафедре междисциплинарных исследований в колледже Бейтс Карл Штрауб, Джилл Рейх и Дон Харвард посодействовали моему начинанию в административном и интеллектуальном плане. Мой путь на факультете окружающей среды начался в тот момент, когда Карл Штрауб узнал, что я читаю курс под названием «Природа в русской литературе», и на сегодняшний день этот путь привел меня в штат факультета; это счастье — работать в коллективе, где экологи, химики и экономисты интересуются русскими романами и историей отношений человека с природой. В самом начале я получила грант Philips, академический отпуск и именную кафедру от Исследовательского фонда Кристиана А. Джонсона для особой поддержки междисциплинарной научной деятельности. Многочисленные гранты Фонда поддержки профессуры колледжа Бейтс (прежде называвшегося Фондом Шмутца) позволили мне регулярно приезжать в Россию и посещать не только библиотеки, но и леса под Орлом, Санкт-Петербургом и Нижним Новгородом. Коллеги по всему свету стали для меня источником вдохновения, информации и доброжелательной критики. Том Ньюлин, Том Ходж, Эми Нельсон, Дуглас Вайнер, Стивен Брэйи, Рэйчел Мэй, Джим Паракилас и Крис Или — все они помогли придать этому проекту форму посредством диалога и через свой собственный творческий взгляд на русскую культуру и мир русской природы. Маша Литовская и Елена Трубина предоставили возможность на раннем этапе

поделиться результатами моих «лесных трудов» на конференции по гендерным конфликтам и их отражению в культуре, проходившей в Екатеринбурге. Мощный призыв к научному обсуждению, осуществленный Арьей Розенхольм, поддержал меня и посодействовал этому проекту не в меньшей степени, чем ее собственные исследования вселенной русской природы. Третья глава этой книги является значительно переработанным и расширенным рассмотрением вопросов, которые я впервые осветила в 2003 году в статье для «Russian Review»; я благодарна откликнувшимся на нее коллегам и незнакомым читателям. От своих соратников с факультета окружающей среды в Бейтс я получала поддержку и различные советы; Холли Эвинг с особенным удовольствием обсуждала со мной самые разные вещи: от торфяных болот до выстраивания аргументов. Увлечение Маргарет Эвинг Д. Н. Кайгородовым доставило мне большую радость и стало живым примером того, как чья-то научная работа может отозваться в самых неожиданных областях. Динеш и Лия смирились с проектом, поглощавшим столько внимания их матери, пока они из школьников превращались в замечательных молодых людей, которыми стали сегодня; моего супруга Дэвида следует вечно благодарить за его юмор и терпение, а его дотошность как историка — за то, что хронология у меня не хромает.

Этот проект получил дружескую и научную поддержку также и в России: коллектив библиотеки Санкт-Петербургской лесотехнической академии проявил необычайную доброжелательность и отзывчивость при работе с трудами Кайгородова; профессор академии Григорий Редько горячо одобрил объединение в одно целое литературных и научных данных о лесе XIX века. Библиотекари в Бунинской библиотеке Орла также были чрезвычайно любезны; особенно я хочу поблагодарить сотрудников краеведческого отдела, а также Юлию Вячеславовну Жукову, которая помогла раздобыть несколько изображений Орла для этой книги. Коллектив Музея И. С. Тургенева встретил меня чаем с пряником, когда я впервые нагрянула из Москвы в Орел в середине 1980-х, еще будучи выпускницей. Их гостеприимство оказалось типичным для этого городка: студенты и коллеги из Педагогического

университета раскрыли двери своих домов для потока студентов из Бейтса; Наталья и Николай Вышегородских помогли больше узнать об экологии Полесья. В их собственной деятельности в качестве учителей и экологических активистов проявляется желание жителей Орловщины сохранить свои корни. Елена Ашихмина, с которой мы познакомились лишь незадолго до окончания проекта, сразу же щедро поделилась различными рассказами и фотографиями, за что я ей безмерно благодарна.

Наконец, мой нижайший поклон — орловским коллегам, ставшим друзьями, практически членами семьи: Иосифу и Розе Кесельман, предоставившим мне подлинный дом — не просто угол, где голову приклонить, а место, где можно отдохнуть и затеять лучшие на свете беседы, перескакивающие от истории этих мест к приготовлению варенья и обсуждению старых русских фильмов. Марина Шимченок стала импресарио многих моих вылазок на русскую природу: сначала она вывезла меня со студентами в Полесье, а как только поняла, с кем имеет дело, повезла нас в Болхов, Курск, Оптину пустынь и множество других мест, увековеченных в тургеневской прозе. Чтобы хорошо понять Тургенева, полезно увидеть описанные им пейзажи: прежде всего Спасское-Лутовиново с его изящными липами и со вкусом отреставрированной анфиладой комнат, но в то же время с полями и лесами, простирающимися в даль за прудом. Наконец, Наташа Захарова была нашим неутомимым гидом по флоре и фауне Орловщины: с ней мы пережили дождь, грязь и комарье в походах вдоль Орлика и по Полесью, а еще благодаря ее сыскным способностям в этой книге появились потрясающие изображения липовой аллеи в центре города начала XX века. Эта книга не появилась бы на свет без бесед с перечисленными выше друзьями из Орла. Во время моей первой поездки в Орел в 1988 году русская компания на вокзале в Москве казалась шокированной тем, что я тащу молодых американцев в какое-то захолустье. Мое представление о русской глубинке было сформировано преимущественно байками о пьянстве и нищете. Насколько далеко это оказалось от реальности! Для меня было честью и удовольствием посещать этот город с несколькими поколениями студентов Бейтса, которые неизмен-

но (почти неизменно) влюблялись в него. Я посвящаю эту книгу Иосифу, Розе, Марине и Наташе, которые в некотором роде познакомили меня с «настоящей» Россией. Я благодарю за помощь в подготовке русского издания моей книги Людмилу Речную, Ирину Знаешеву и Ксению Тверьянович за их выдающуюся работу над переводом, редактурой и получением необходимых разрешений на публикацию иллюстраций. Я также признательна Бейтс-колледжу и Издательскому фонду Кларка Гриффита за финансовую поддержку публикации. Моя отдельная благодарность Алексею Васильеву за разрешение использовать прекрасную картину его отца, Олега Васильева, для оформления обложки.

Введение

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.
<...>

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

*Даниил Хармс, 1937 год
[Хармс 1997: 57]*

Выгляни той ночью в конце апреля 1973 года жители центрального района Орла из окон своих квартир, им бы открылось невероятное и для многих печальное зрелище. Еще в XIX веке этот отвесный берег Оки украшала целая липовая аллея, представлявшая собой юго-западную границу городского парка. С давних пор с Орлом связано множество литературных ассоциаций, формирующих индивидуальность города и его атмосферу: Н. С. Лесков, один из его сынов, заявлял, что «Орел встроил на своих мелких водах столько писателей, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город»¹. По местной легенде, И. С. Тургенева маленьким возили в коляске по тропинкам этого парка; высокие кроны лип, кленов и каштанов обер-

---

¹ Цит. по: [Афонин, Сидельникова 1962]. Один из авторов этого небольшого сборника гравюр и очерков местной истории, Л. Н. Афонин, в дальнейшем упоминается в моем рассказе о противодействии местной интеллигенции плану вырубить липовую аллею в центре города. Я благодарю за этот подаренный томик Люсьена Вейсброта — он был в числе тех, кто оказывал регулярное содействие в моих поездках в Орел.

гали его полуденный сон, рассеивая свет, который иначе разбудил бы его. Парк, ставший уличной колыбелью будущего певца русской природы, был заложен в 1822 году по приказу губернатора Орловской губернии. К 1971 году парк с липовой аллеей стал частью привычного пейзажа города с населением в 300 тысяч человек. Несмотря на разруху, последовавшую за Гражданской войной и немецкой оккупацией, парк и его липы выстояли. А теперь во тьме апрельской ночи их должны были срубить ради расширения городской площади. Мраморный Ленин на постаменте прямо перед областным отделением партии будет теперь оглядывать свои разросшиеся владения: ничто не станет закрывать ему вид на драматический театр, который вскоре возведут здесь в стиле высокого модернизма и назовут в честь Тургенева. Колыбель юного писателя была, по крайней мере частично, разрушена, заменена парадными пространствами, более подходящими современной советской государственности. Липам — важной части того, что один из местных жителей назвал восхитительной «таинственностью» парка, — пришел конец².

Впервые я услышала историю этих деревьев не на каком-то публичном мероприятии, а на тесной и уютной кухне коллеги, преподававшего английский в местном университете. Его жена Роза, в равной степени искусная рассказчица и повариха, потчевала меня историями о своем украинском детстве и замужней жизни сначала в Сибири, а затем в Орле; она же первой расска-

---

² Факты из истории парка и связанных с ним литературных ассоциаций почерпнуты из книги [Власова 1984]. Разбивка парка началась в октябре 1822 года по приказу губернатора Н. И. Шредера; официальное открытие состоялось в мае следующего года. Власова включает Толстого, Тургенева, Лескова, Марко Вовчок, И. А. Бунина и Л. Н. Андреева в список писателей, оставивших воспоминания о парке. Толстой посещал Орел во время работы над романом «Воскресение», содержащим описание городской тюрьмы; эта тюрьма располагалась на месте нынешнего парка развлечений — на противоположной липовой аллее стороне парка и парадной площади [Власова 1984: 9, 30]. Также я благодарна за возможность пообщаться в августе 2011 года с Е. Н. Ашихминой, местным историком, чьи статьи об Орле вкпе с коллекцией архивных фотографий мне очень помогли. Среди прочего смотрите ее: [Ашихмина 2011].

Липовая аллея, центр Орла, начало XX века. Открытка из частной коллекции Л. Тучнина, публикуется с его разрешения

зала мне о липах и городском парке. Но в ее версии это была не просто история уничтожения и утраты. Как она сообщила, липы погибли не без возражений: Л. Н. Афонин, местный литературовед, сотрудничавший одновременно с педагогическим университетом и Музеем И. А. Тургенева, написал страстное письмо протеста (так и не опубликованное) в газету «Известия». Его храбрый, хотя и безрассудный поступок не повлиял на действия местной администрации; тем не менее он значительно повлиял на судьбу самого Афонина, вызвав «трудности» на работе, проблемы со здоровьем и раннюю смерть. По словам Розы, люди просидели у лип всю ночь: они не могли смириться с мыслью, что потеряют их: деревья ассоциировались с Тургеневым, были частью его наследия в этом городе. На рассвете приехали бульдозеры и все выкорчевали. В ее истории акцент делался на протест и неповиновение в Советском Союзе начала 1970-х годов ради спасения нескольких деревьев. Безусловно, этот сюжет наводит на размышления: переплетение в нем политики, роли места и личности захватывает и интригует. О чем же на самом деле повествует эта история? Почему советские граждане реши-

ли протестовать ради защиты деревьев, несмотря на то что любые формы протеста — к примеру, против нарушений прав человека — жестоко наказывались? Кто был участником этой акции? Сколько людей было в курсе? Узнаю ли я их версию произошедшего?³

Как выяснилось, трактовка Розы, как минимум отчасти, была ошибочной: в свои последующие визиты в Орел я проводила время в местной библиотеке за чтением старых номеров газеты «Орловская правда» и, что важнее, за беседами с множеством орловчан, которые помнили ту ночь и были готовы поделиться со мной воспоминаниями⁴. Насколько мне удалось восстановить цепочку событий, в рассказе Розы слились воедино сразу два эпизода городских преобразований: первый, касавшийся лип напротив здания областного отделения партии, развивался стремительно и протеста не вызвал⁵. Во втором же случае преобразование удалось предотвратить: дуб, посаженный в 1861 году и оказавшийся на территории, отведенной для расширения улицы, спасла совместными усилиями группа местных жителей, в какой-то мере подталкиваемых памятью о липах, которые отстоять не вышло. Эти липы были высажены в начале XX века: на открытках из коллекции местного историка они чуть выше человеческого роста; на одной из них ребенок в бескозырке показывает на мальчика повзрослее, сидящего на парковой скамейке, на другой две девочки с рукавами с буфами и в соло-

³ Поставив себе цель разузнать об Афонине побольше, я вскоре обнаружила, что он искренне любим в кругах орловской литературной и культурной интеллигенции. Он сыграл ключевую роль в организации музея Л. Н. Андреева в одном из старейших районов Орла; его замечательно неформальный портрет висит на кухне музея. Бунинская библиотека Орла располагает подборкой его книг и посвященных ему изданий [Вологина 1998].

⁴ Эти интервью были взяты в ходе двух визитов в Орел в 2001 году: в начале июня и в конце октября. Я говорила с шестью респондентами, каждый из которых имел отношение к университету, библиотеке или литературным музеям. Записи и расшифровки этих интервью находятся в моем личном владении. Цитируя их, я не раскрываю личности собеседников, но называю дату беседы.

⁵ Интервью от 23 октября 2001 года.

Липовая аллея, центр Орла, май 1959 года. Фотография из личного архива Елены Ашихминой, любезно предоставившей автору разрешение на публикацию

менных шляпах удаляются от зрителя, а по краю липовой аллеи и городского парка на некотором расстоянии стоят деревья значительно выше и старше⁶. На кадре 1930-х годов деревья не ниже 12 метров высотой, сбоку видны трамвайная линия, бюст Ленина, афиша фильма «Ошибка на пляже». К 1960-м годам городские планировщики разработали проект обновленной центральной площади, которая стала бы местом «хорошо доступным и удобным для проведения массовых мероприятий, общественно-политической и культурной деятельности городского населения» [Федоров 1969: 134]. Как на схеме, так и в макете видна просто пустая площадь, уже без лип. Такого рода планирование, несомненно, проходило на высшем властном уровне, с одобрения областного партийного комитета и без публичного обсуждения⁷. К тому же это было время реновации городов в СССР; советские проектировщики могли на законных основаниях искать компромисс между модернизацией и послевоенной реконструкцией⁸. Они перекрыли соседнюю улицу Ленина для транспорта, сделав ее пешеходной и перенаправив машины на другие. Впрочем, улица Ленина, несмотря на то что И. А. Бунин трудился здесь в представительстве «Орловского вестника», когда та называлась еще Болховской, никаких ассоциаций с липами или городским парком не вызвала. Символический и эмоциональный миф, закрепленный за этими деревьями, придал разрушительную мощь их гибели, что еще более

---

⁶ В книге 1984 года Власова разделяет парк на три сегмента по возрасту деревьев: в один входили деревья старше 150 лет, во второй — преимущественно 60–80 лет, а третий был заново засажен после немецкой оккупации времен Великой Отечественной войны [Власова 1984: 31].

⁷ В одном недавнем тексте (имеющем подзаголовок «Историческая юмореска») высказывается предположение, что сам секретарь обкома не рассчитывал, что план будет воплощен в жизнь, учитывая традиционную черепашую скорость, с которой реализовывались подобные проекты [Лысенко 2008]. Благодарю Ю. В. Жукову из Бунинской библиотеки за то, что обратила мое внимание на эту статью.

⁸ Б. Рубл дает краткий обзор советского городского планирования в [Ruble 1995: 104–107].

усилилось благодаря замене культурно значимого места на некое пространство, задуманное и прибранное к рукам господствующей идеологией⁹.

В мозаике из фактов, воспоминаний и ложной памяти, сложившейся в беседах с орловчанами, сплелись эмоции и мощное символическое наполнение, не слишком зависимые от исторической достоверности, — на самом деле мифология этого места свидетельствовала именно о том, насколько оно было значимо, насколько этот сюжет был необходим для сохранения уже утерянного материально. Местные и впрямь очень переживали за эти деревья, ассоциируя их с культурным наследием своего города; проводились выступления и протесты; по крайней мере одно из деревьев, за которые боролись, уцелело, а по тропинкам городского парка по-прежнему можно гулять и сидеть на скамейках под полуденным солнцем. Пусть какие-то деревья и погибли, их значение и рассказы о них никуда не делись — рассказы, определяющие идентичность и атмосферу. Рассказ Розы был хорош: он обладал своей собственной *правдой*, которую хотелось понять полнее. *Истина* же заключалась в том, что люди, жившие в советском Орле, дорожили этими деревьями, как минимум отчасти, из-за культурных параллелей, уходящих корнями глубоко в дореволюционные времена. Исследование характера подобных ассоциаций — да и просто значения деревьев и лесов для русской культуры — составляет значительную часть содержания этой книги.

Основной темой этой книги является культурное значение леса в России XIX века — скорее леса Центральной России, чем

---

⁹ Разграничение понятий «места» и «пространства» играет ключевую роль в современных представлениях о географии человека и гуманистическом дискурсе локального — здесь «место» используется мною в значении чего-то досконально известного, познанного «изнутри», а не просто окинутого взглядом с расстояния. Экспансия городской площади с памятником Ленину во главе демонстрирует желание некоторых градостроителей навязать собственное понимание «места» взамен существующему — вот только большие советские площади всегда подвержены риску превращения в однообразные и безличные пространства, практически не имеющие отношения к прежней культуре и памяти места. Споры о пространствах в сталинскую эпоху рассматриваются в книге [Dobrenko, Naiman 2003].

сибирского, у которого своя, особая символическая ценность¹⁰. Один из моих аргументов состоит в том, что смыслы, вкладываемые в деревья, рощи и леса, как и в любые биологические виды и естественные среды обитания, остаются для нас туманными, если не помещены в культурный контекст. Современный американский экофилософ Т. Берри предположил, что для преодоления нынешнего кризиса окружающей среды нам стоит выйти за рамки существующего культурного кода, раз уж «наши культурные традиции представляют собой основной источник наших же затруднений» [Berry 1988: 194]. Большой вопрос, могут ли вообще люди как создающие смыслы социальные животные выйти за рамки культуры; жестокие эксперименты XX века по отказу от традиций отбили у русских охоту реагировать на подобные призывы. На мой взгляд, наша задача состоит в том, чтобы пересмотреть культурный контекст с новых позиций, постичь те аспекты традиции, которые ранее могли не восприниматься всерьез, и таким образом получить представление о том, что такое человеческая природа, поскольку без этого знания кризис в восприятии окружающей среды неизбежно скомпрометирует наши добрые намерения. Под «культурным контекстом» я имею в виду тугую узел сюжетов, образов и метафор, переплетение смыслов, родившихся за то время, пока писатели и художники обращались к эмоциональной значимости и культурному значению места. Русские критики, в последнее время изучавшие культурные традиции изображения мира природы, склоняются к понятию «чувства природы». Этот термин подталкивает нас к размышлениям о чувствительности и чувствах вообще, об ощущении — как на физическом, сенсорном, так и на внутреннем, духовном уровне, — которое предшествует и сопутствует мыслям о пейзаже. Барри Лопес говорит о способах, которыми «культуры вступают в диалог с землей». Как в любом культурном процессе, разговор здесь идет сразу и с землей, и с предшественниками: наше восприятие значения места возникает как из взаимоотношений с этим местом, так

---

¹⁰ Напр., [Diment, Slezkine 1993].

и из уже живущих в нем культурных традиций. Липы городского парка в Орле — это и конкретные деревья в указанном месте, и воплощение его истории. Они связаны и с определенным освещением, водой и почвой возвышенности над Окой, где были посажены, и с теми литераторами, которые писали о них или просто сидели под ними. Они связаны с целой традицией мыслить деревья, природу и культуру. Этот тип восприятия отношения между «природой» (липами) и «культурой» (Тургеневым, или Пушкиным, или поэзией вообще) отстоялся в текущих реалиях русской жизни. Размышления над сюжетами вроде истории Розы или, как будет предложено далее, над текстами и полотнами XIX века, продолжающими будоражить русскую культуру и самосознание, позволяют отделить чуточку вышеупомянутой взвеси, чтобы понять природу обычно недоступной глазу среды, в которой мы живем [Lopez 1989: 61–71]¹¹.

Будучи в целом справедливым для всех культур, это особенно уместно для России. Историки культуры давно обнаружили значимость пейзажа в русской истории, особенную роль леса в картине мира и в самосознании. Еще тридцать лет назад вышло в свет новаторское эссе Д. Биллингтона на тему истории культуры, фокусировавшееся на огромном значении леса в русской культуре. А в 1983 году географ Р. А. Френч отметил, что, хотя «для западноевропейского сознания русский пейзаж нередко представляется степью», русские расселились на юг и восток от своих исконных лесных поселений относительно недавно — за три последних столетия. «На протяжении 1300 лет, с самого появления восточнославянских поселений, лес был для русских домом; даже сегодня природные зоны тайги и смешанных лесов занимают больше половины бескрайней территории СССР» [French 1983: 23]. Ученые называют роль леса в числе аспектов «мегатекста» русского пейзажа, «основополагающего для понимания русской культуры»; они созерцают «изолированный из соображений безопасности мир сказочных русских лесов», су-

---

¹¹ О чувстве природы как категории аналитики культуры смотрите коллективную монографию [Гринфельд 1995] и книгу [Кожуховская 1995].

ществующих в сложном взаимодействии с миром свободы и передвижения, воплощенном в южных и восточных степях страны. Для символиста Д. С. Мережковского как лес, так и степь выражали «стихийную кочевническую экспансивность» странствующей русской души, проявляющуюся в «поэзии стихийного простора» Пушкина, Лермонтова и Кольцова [Эпштейн 1990: 10; Мережковский 1991: 74]¹². Как нам замечательно напомнил Робин Милнер-Галланд, традиционные русские деревни строились из леса, в котором располагались: «Есть что-то невыразимо трогательное касательно традиционной русской деревни... почти целиком выстроенной из окружающего ее леса, готового в лес же и вернуться (раз уж древесина так недолговечна), стоит людям перестать ухаживать за ним» [Milner-Gulland 1997: 30]. Когда писатель XX века А. П. Платонов описывает такие деревни, он с достоинством, но не без надрыва изображает поселения, обращенные обратно к земле как творения человека, угнетенные и подавленные силами природы.

Деревянная крыша той избы сопрела и поросла ветхим мхом, нижние венцы погреблись в землю, точно возвращаясь обратно в глубину своего родного места, и оттуда, из самого нижнего тела избышки, росли уже две новые слабые ветви, которые будут могучими дубами и съедят когда-нибудь в своих корнях прах этого изжитого, истраченного ветром, дождями и человеческим родом жилища [Платонов 2011: 382–383].

Если и слышится в этом пассаже советская героика, то совсем мало: люди и их кров возвращены в ничтожество дерна. Лес неизменен¹³.

Относительно беглый анализ постсоветской популярной культуры показывает, что лес остается стартовой точкой русских

¹² Вторая цитата — из Елены Хелльберг-Хирн: «Эти два типа среды обитания, южная степь и северный лес, порождали разное отношение к жизни: степь была открыта свободе и перемещениям, а заодно и вторжению извне; в лесу было безопаснее, но в то же время сложнее жить и передвигаться. Оба являлись бескрайними и малонаселенными» [Hellberg-Hirn 1998: 27–28].

¹³ Рассказ «Среди животных и растений» был закончен в 1936 году.

поисков идентичности на многих уровнях и с различными целями: политическими, духовными и природоохранными. Блокбастер 1999 года Н. С. Михалкова «Сибирский цирюльник» начинается с панорамы великолепного северного леса, символизирующего извечную и стихийную Русь под нападками американской алчности. Уличные художники по всей России завлекают прохожих недорогими холстами с лесными пейзажами, продавая образы природы, будто чудом не тронутой XX веком. Популярный писатель В. Н. Мегре, автор серии книг под названием «Звенящие кедры России», разрабатывает сюжеты о тайных источниках и нетронутых лесах, в которых пережившие урбанизацию русские могут обрести эзотерическое перерождение; его сайт преподносит встречу с вдохновительницей его собственного возрождения как реальный факт, имевший место в лесах на западе Сибири, и призывает присоединиться к современному движению «возвращения в леса». В призывах защитить близлежащие лесные массивы цитируются поэты XIX века, а одна газетная иллюстрация за 2000 год требует от депутатов преследовать высшую пользу для экологии: на коллаже из дореволюционных изображений законодатели помещены в дубовую рощу, связывающую воедино Государственную думу И. Е. Репина с лесом И. И. Шишкина. Подобные образы и тексты затрагивают каноническое культурное наследие, даже когда формулируют новые смыслы или призывают к действию. Они родом из пейзажей XIX века и мифологии места, которые дополнили, если не сменили марксистскую идеологию брежневской эпохи и школьную программу, включавшую Некрасова, Тургенева и Толстого. В 1990-е годы они обеспечили устойчивый фундамент в зыбучих песках рыночного капитализма и пришедшего за ним бандитизма¹⁴.

---

¹⁴ О Михалкове и национализме см. [Beumers 2005]. Мегре: [Мегре 2003]. Сейчас книги Мегре переведены на английский язык издательством The Ringing Cedars Press. «Плакала Саша» — фраза из широко известного стихотворения Н. А. Некрасова «Саша» — цитируется во множестве статей, посвященных проблемам окружающей среды — например, в статье Н. Агжихиной «Плакала Саша» в газете «Деловой вторник» от 26 февраля 2006 года. Статья посвящена попыткам оградить местные парк и зоны отдыха от

Все эти примеры, как академические, так и из популярной культуры, свидетельствуют об отношениях привязанности и потребности, в которых человеческая зависимость от ресурсов (для обогрева, обеспечения строительными материалами) зачастую существует в непростом взаимодействии с более патетическими и условными сферами. В середине XIX века один обозреватель в «Журнале Министерства государственных имуществ» пенял соотечественникам, коих считал своего рода «зелеными», на излишнее «лесофильство»¹⁵. Его современник, историк В. О. Ключевский, напротив, утверждал, что исходной эмоцией по отношению к лесу была вовсе не привязанность, а враждебность, зародившаяся за долгие столетия каторжного труда в среде, бесконечно препятствующей людским попыткам выжить.

...Лес всегда был тяжел для русского человека. В старое время, когда его было слишком много, он своей чащей прерывал пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривал с трудом расширенные луг и поле, медведем и волком грозил самому и домашнему скоту. <...> Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса [Ключевский 2002: 61–62].

Все эти утверждения — Биллингтона и Мережковского, да и Ключевского — столь же пространны, сколь и пейзаж, который они пытаются осмыслить; к ним следует присмотреться пристальнее, чем это делалось обычно. Мой метод в работе с этими утверждениями и с вопросами, которые они поднимают, — это

застройщиков. Само стихотворение Некрасова обсуждается в главе третьей этой книги. Коллаж из Шишкина и Репина появился в ответ на всероссийскую кампанию по восстановлению федерального контроля над лесами. Это изображение напечатано в заключении данной книги.

¹⁵ Статья «Крайность лесофильства» напечатана под рубрикой «Смесь» в «Журнале Министерства государственных имуществ», 1862, том 79, отдел 4, с. 27–29. Как подсказывает Google, французы изобрели понятия «sylvophile» и «sylvanophile» в качестве современной и более нейтральной замены нашему несколько пренебрежительному определению «зеленые».

взять себе в проводники определенных писателей и художников и последовать за ними в их собственные леса. Это значит выбрать нескольких из огромного множества литераторов и живописцев, так или иначе изображавших среднерусский лес. Постепенно моя подборка текстов стала казаться оптимальной, если не предопределенной: я более склоняюсь к прозе, чем к поэзии, лишь пунктиром отмечая то, как стихи и устная традиция отразились на прозаическом документировании леса в XIX веке. Мой анализ изобразительных искусств (как и музыки) также ограничен. Я начинаю с Тургенева, потому что его «Поездка в Полесье» представляет собой выдающийся и значимый пример созерцательного описания природы и хроники души. А еще потому, что мне довелось познакомиться с его лесами — лесными просторами к северо-западу от Орла, которые он мысленно очерчивает как в «Поездке», так и в «Записках охотника». Если забыть о личных мотивах, я пришла к мысли, что Тургенев значим для русских писателей, позже обращавшихся к теме леса. Его манера обманчиво проста: повествовательное по своей манере путешествие в резонирующее со всевозможными философскими и литературными голосами место способствует достижению у читателя эффекта присутствия, невзирая на все культурные отсылки, — это свидетельствует о значительном вкладе русских в тему литературного описания природы в XIX веке, достойном сравнения с Генри Дэвидом Торо, несмотря на всю разницу в интонации и подходе.

Своими достижениями в запечатлении ландшафта Россия также обязана традиции, положенной антикваром и новеллистом П. И. Мельниковым-Печерским, чьи грандиозные описания заволжских лесов основаны на мифологии, фольклоре, легендах и глубокой симпатии к местным жителям. Мельников, один из романов которого рассматривается во второй главе, определенно менее известен читателю, чем Тургенев, но его труды по созданию образа русского леса играют столь же важную роль, поскольку сохраняли большое влияние на протяжении десятилетий, предшествовавших революции. Если тургеневский лес задумчив и полон голосов и аллюзий, то мельниковский — это дикий ми-

фологизированный пейзаж, порожденный одновременно языческой Русью и медитативным скитническим православием. Художник М. В. Нестеров и народник В. Г. Короленко к рубежу столетия обратились к лесам Мельникова-Печерского, но выработали кардинально различные взгляды на этот сакральный ландшафт, в случае Короленко — с полным осознанием беззащитности древних порядков, как природных, так и человеческих.

С вышеописанным сюжетом о привязанности к лесу и его образам контрастирует абсолютно другой взгляд на центральноевропейский русский лес XIX века: в третьей главе этого труда с опорой на публицистику и художественные тексты, документирующие все возрастающую угрозу вырубки леса в Центральной России, исследуется земля не изобилия и неограниченных возможностей, а потеря. Я обозначила этот сюжет, обратившись к подборке источников XIX века, созданных как для профессионалов, так и для широкой аудитории, — к журналам, посвященным лесному и сельскому хозяйству и охоте, и к историческим экскурсам по русскому лесоводству, созданным в конце столетия. Лесной вопрос широко обсуждался в толстых русских журналах начиная еще с середины века, и разнообразные произведения искусства и литературы зафиксировали к его концу усиливающуюся озабоченность этой проблемой, а угроза «национальной катастрофы» приобрела масштабы, близкие к концу света. Творчески откликнувшиеся на это писатели и живописцы занялись разработкой природоохранной этики и экологической поэтики, встроенной в русские культурные традиции. Вопрос, поднимаемый этими текстами и образами, состоит не в том, как литераторы и художники вдохновлялись трудами ученых и лесохозяйственников, а в том, насколько русские литераторы и художники способствовали формулировке риторики и реакции публицистов и академических авторов.

Отслеживание возрастающей озабоченности действиями человека, наносящими ущерб тому, что мы называем окружающей средой, — одна из задач этой книги, но задача не единственная и даже не главная. Окружающая среда — понятие во многих аспектах невозможное для использования в XIX веке в принятом

сегодня смысле, подразумевающим четкое разделение на человечество и созданное его руками, с одной стороны, и то, что его окружает, — с другой; этот термин почти так же непросто, как и понятие «природа», которое Реймонд Уильямс провозгласил «самым неоднозначным, вероятно, словом языка» [Williams 1983: 245]. Историки стремились выразить природоохранные порывы или протоэкологические опасения и во времена, предшествовавшие распространенной ныне деятельности по защите окружающей среды как общественному движению¹⁶. Хотя третья глава и дает представление о русской культуре XIX века, в которой росло осознание негативных последствий от уничтожения лесов, цель книги в целом шире: поместить эту «экологическую» историю в контекст великого разнообразия повествовательных и визуальных образов, культурного сознания вообще.

Это исследование блуждает от одного полюса к другому между сюжетами утопическими и скептическими, между оптимизмом и иронией, между экстазом от единения с природой и страстным желанием добраться домой — к обжитому человеком, к культуре, торговле, цивилизации — как можно быстрее. В последней главе уделяется внимание личности Д. Н. Кайгородова, писателя и педагога, имевшего наибольшее отношение к природоохранному движению из всех упомянутых в этой книге. Он персонаж занимательный и хорошо подходит для того, чтобы на нем исследование и закончить, так как он сумел вывести подспудные экологические ощущения русской литературной традиции на первый план в публикациях, представляющих собой изысканный сплав поэзии, естествознания и художественности. Творя в десятилетия, непосредственно предшествовавшие революциям 1917 года,

---

¹⁶ Лоуренс Буэлл описывает свою первую книгу как посвященную «степеням, до какой литературу можно полагать моделирующей эгоцентрические ценности» в [Buell 2005: 22]. Глен Лав, один из основоположников современной экокритики, заявлял, что «наиболее значимой функцией литературы в наши дни является перенаправление сознания человека на всестороннее рассмотрение его места в находящемся под угрозой уничтожения мире природы» в статье [Love 1996: 237]. Дональд Ворстер рассматривает зарождение «экологических» взглядов на природу с конца XVIII века в книге [Worster 1994].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru